
Тульков
В.

Еще раз про войну

Жанр произведения: О войне

Произведение написал автор BookBox Dysha27

Ссылка на публикацию

Еще раз о войне

Когда закончится последняя война,

Меня вы непременно известите,

Гармошечку к окошку прислоните,

И птицы защебечут мне: Весна!

Я к вам приду ненадолго.

Часок побуду,

Посмотрю цветущий сад.

Всех обниму,

Сыграю свой вальсок,

И с легким сердцем возвращусь назад.

Дед мой, Василий Миронович, часто и с подробностями рассказывал мне о войне. Усаживаясь рядом со мной на скамеечке, положив свои большие руки на колени, он вспоминал: «Что и говорить- война это было страшно, целые дивизии были брошены под огонь фашистов, а у наших-то солдат, что? - винтовочки, да и не все призывники были готовы к бою. Мне повезло, в октябре 1941 года послали нас под Калач на Дону, дали на отделение двенадцать винтовок по пятнадцать патронов и по две гранаты без запалов . А в 1942 году, перевезли нас до станции Сватово Ворошиловоградской области, а там наше пополнение не успело и закрепиться, как немцы стали обстреливать и отражать удары было тяжело. Бои шли горячие- везде крики, суматоха, огонь и командиров не видно. И когда настала передышка мы поняли, что попали в окружение, непонятно было где фронт, а где тыл, где наши, а где немцы? И решили мы товарищами выбираться сами по звуку боя, на третьи сутки вышли на дорогу. А войной-то и не пахнет, так чуть копотью и гуд далекий, словно гроза ушла. Трава не примятая , даже кузнечики стрекочут и трава-то полынком пахнет. Слышим-гудит машина,

обрадовались, но «нарвались» на немцев. Всё, думаем -хана нам. Стоим мы двенадцать оборванных солдатиков с закопченными лицами на возвышенности у дороги. Останавливается грузовая машина, а в кузове немецкие автоматчики. Наставили на нас автоматы, но стрелять не стали, поехали дальше. Так мы остались живы. Страшно было, казалось сердце перестало биться. Вот тогда-то мы и упали в траву. Земля нас родная видимо сберегла. Но решили двигаться дальше и только на девятые сутки вышли к станции Качалино» «А уже в сентябре 1942 года нашу дивизию перебросили под Орел. Я воевал в 307 дивизии 19 стрелкового полка младшим сержантом, командиром отделения по июль 1943года. В одном бою под Орлом я уничтожил двадцать девять фрицев и сжег один танк «Тигру», у меня была бутылка горючего. Но некому было подтвердить, вокруг не видно было ни командования, ни живых солдат. Думал, Героя Советского Союза дадут, а дали медаль «За Отвагу». И то вручили в1966 году, когда уже война закончилась и я работал в городе Котово Волгоградской области. И дали книжечку:«Иди, Василий Миронович - получи в банке деньги». Я пошел , там подсчитали , получилось 280 рублей. О! думаю , очень хорошо, потом реформа- осталось 28 рублей-тоже хорошо думаю, а потом еще пересчитали, осталось 2 рубля 80 копеек, вот доложил я 7 копеек и купил бутылку водки. Так и выпил за Медаль»

Дед опускает голову, поправляет руками клетчатую рубашку, вздыхает и, подняв брови продолжает: «Думаешь, откуда брались силы? Я и сам удивляюсь, мне-то уже 35 лет было, жизнь повидал, а многим солдатикам по 17 -19 лет. Не все выдерживали, под пули лезли. А надо было терпеть и голод , и холод , и боль , и страх. Это только в кино красиво показывают про горячие обеды в котелках. А мы-то голодными были по двое-трое суток, полевая кухня не успевала за армией, и мы шли в атаку с винтовочками, зная, что идём на верную гибель. В боях под Орлом творился настоящий ад: взрывы все небо закрывали, танки горели свечками. А немецких танков было-сила. Первое время у нас страшная творилась неразбериха. Поле перед нами горело, на земле лежали наши убитые солдатики, убитые немцы, танки раскатывали поле в огне и черном дыму, один танкист пытался вылезти из горящего танка, но так и повис из люка, некому было помочь. Не слышно было никаких команд. Голова раскалывалась от гула, стрельбы, огня и горького дыма.» Василий Миронович вздыхает, но смотрит на меня весело, и я не пойму, серьезно он говорит или шутит. «А вот, -рассказывает он- был такой случай: Стояли мы в обороне под селом Никольское Курской области, там лощина была неохраняемая, а на той стороне домик маленький, куда привозили обеды. А по лощине мины поставлены-одна возле одной, ну мы колья воткнули, где безопасно ходить и коноплю набросали - по ним и бегали, и за домик хоронились. В домике бойцы были человек по пять. Дружок мой, Сизиков Петро и говорит мне: «Ну ты иди Мироныч покушай, я тебе там

оставил», но я не успел дойти, снаряд попал прямо в домик, стену пробило и вторую стену, и одного бойца убило. Вот мой обед и взлетел в воздух, а я живой остался. Но мы продолжали бегать кушать и за печку становится, думали, что печку-то не пробьет. В нашем взводе почему-то все время двенадцать человек было. Один придет, двоих убивало. Голодали часто, спасибо нашли мы погреба на нейтральной полосе-там картошка осталась гнилая, вот натрем на противне мы эту картоху и ночью, чтоб дыму не было,в блиндаже пышки напечем. Немцы были со стороны лощины в лесу, а мы на стороне жилых домов. Да жилые -то вряд ли можно назвать, много погорелых домов было. Эх, там под станцией Поныри жаркие бои шли, немцы -то сильно укрепились, танков было много у них. Шли бои и у села Никольское. Зима была трудная и снежная, немцы сопротивлялись здорово,но артиллерия хорошо поддерживала пехоту, и в феврале 1943года наши войска взяли станцию, но бои в районе Понырей не прекращались аж до июля. А зимой мы часто попадали в окружение. Помню, как-то затихли взрывы, Андрюшка пошел получать провиант, приносит хлеба, сухариков и сахар- получил на всех. Я подобрал где-то мешок и подшил под шинель декабрь-холодно было, теплого не выдавали, и вот мы четверо пошли искать, где бы переночевать. Эх, я в темноте и упал в траншею, сильно упал, нога долго болела. Поселок весь погорел, вот нашли мы домик маленький а хозяйка говорит: «О! ребята я бы вас приняла, но мало места». Но пустила, мы сидя и переночевали, а утром смотрим-маршевая рота ушла без нас. Старшина говорит: «Хорошо что отстали,у меня еда осталась». Вот набрали мы продуктов: хлеба, сухариков, сахар, консервы- считай повезло. А еще был такой случай. Как-то совсем у нас животы подвело- два дня полевая кухня не смогла добраться до нашей дивизии. А тут, как праздник: подъехали повозки, разбили палатку, дымок пошел, запахло едой. Солдатики побежали к палатке с радостными лицами, перебрасываясь на ходу одобрительными словечками. Ванюшка, мой товарищ, торопит меня, а у меня, как назло, нога занемела. Я нагнулся, чтобы размять ногу в сапоге, а тут раздался взрыв. Снаряд попал прямо в палатку. Все погибли. Я лежал на земле, отброшенный взрывом и сапог Ивана с оторванной ногой упал возле меня Ой-ёй , в голове моей все темно стало, долго не мог унять головокружение и шум в ушах. Часто мой Ванюшка снился мне. К вечеру набралось нас оставшихся в живых человек десять , досидели мы до ночи в траншее, а потом пошли к станции Поныри. Нашли возле станции мешок с крупой и комбижиром, вот это была удача! Наварили этой крупы наелись, на ночь выставили охрану, а ночевали в блиндаже. Утром прибегает офицер и кричит:«Танки! Танки немецкие много, туча целая прет!» Побежал я к блиндажу своих ребят предупредить. Я хоть маленький был, но начальник, вот и приказываю, чтобы половина взвода, а это всего-то шесть человек наступали на танки, а остальные пошли в обход , думали в тыл зайти к немцам. Перебежали

мы через железнодорожную насыпь. Тогда народу выбили много, но мы благополучно схоронились в саду, который рядом был, нас и не заметили. Вот тебе и тыл. К вечеру пересекли лощину и дошли до села Никольское, там меня и ранило в ногу и руку. Я и число запомнил 8 июля 1943года. Кровь хлестала прямо в сапог, Скачков Яков Тимофеевич, он в санчасти раньше был санитаром, перевязал мне ногу и руку.» Дед смешно поджимает губы и вспоминает о своем ранение, как будто это было вчера и продолжает:«И я пошел хромая до санчасти, майор говорит:« Вот вас у меня пятьсот человек раненых, всех взять не могу, кто может идти, то добирайтесь в тыл своими силами». Вот мы вышли с товарищами на дорогу и нас удачно машина подобрала, довезла до железной дороги. Смотрим идет маршевая рота -пополнение на фронт. Шофер хотел перебегать дорогу, чуть его не расстреляли за то, что перебегал дорогу. Почему - не знаю. А потом мы узнали, что у Понырей началось наступление советских войск, а в конце июля освободили и город Орёл.

Я смотрела на лицо своего деда, на его седые, все еще кудрявые волосы, на изрытый оспинами нос, и добрые прищуренные глаза. И не было на лице деда ни капли злости и раздражения. Спокойно, как о самом обыкновенном рассказывал он о страшных этих деталях войны. А я все допытывалась: «Ну как там, как было на Курской Дуге?» Дед , качая головой продолжал: «Говорю тебе - ничего мы не знали про Курскую дугу, а вот Орловское наступление для нас было смертельным-столько бойцов сложили головы и не рассказать. Сначала налетали немецкие «Хенкеля»- земля стояла дыбом, а после тишина, и наши позиции просто переставали существовать, живых практически не оставалось. Не всегда наши полевые командиры согласовывали свои действия с командованием, связь прерывалась, куда бежать? Военные начальники видимо танки берегли, выставляли вперёд пехоту под огонь фашистов. Спасибо нашим самолетам, помогали крепко, бомбили и бомбили. Без них бы мы там все полегли. Под Орлом я полгода воевал, мы в разведку ходили. Три группы по десять человек. Две группы на захвате, а одна в обороне. Я больше всех был и сильнее так меня ставили вытаскивать раненых . Василий Миронович был мастеровой человек, любое ремесло ему было под силу. Знаю, что дом они с отцом Мироном Иосифовичем сами срубили, и веранду дед сам сделал, и рамы для пчёл, и ульи, бочки классные делал. Дед рассказывал: «Приходят один раз офицер к нам в батальон, выстроил бойцов и спрашивает:«Кто знает бондарное дело -шаг вперед». Я вышел и товарища, земляка моего, за собой потянул, а он мне шепчет: « Не умею я»-«Научу, выходи». Отобрали нас человек двадцать, собрали небольшой отряд и послали на Урал. Жили мы в небольшом городке, делали бочки для соления. Наверное, полгода пробыли в тылу, а от нашего батальона только два бойца и осталось. Дедушка лечился в госпитале в Рудне с июля 1943года по январь 1944 года. Улыбаясь рассказывает:«прицапали» мы с

товарищами до Камышина, а там арбузов было завались, вот мы наелись от пуза. И то было счастье. А добирались мы трудно-сначала довезли нас в товарняке до Ельца, потом дали направление в госпиталь в город Грязи. Довезли нас до города, а госпиталь говорят разбомбили, поехали дальше. Затем раненые стали появляться с разных сторон, кто с попутным поездом, кто на перекладных, подводах, многие шли пешком. В городе Мичуринск в госпиталь нас не приняли, сказали переполнен-поезжайте дальше в тыл. Так мы доехали до Рудни Сталинградская область, а это совсем недалеко и до моего дома. Для госпиталя было отведено здание Руднянского педагогического училища с общежитием. Раненые поступали даже с Украины, а с сентября 1942 года прибыл эшелон с ранеными из Сталинграда. Раненых было много, лежали в коридорах, прямо на полу стояли кровати и раскладушки. Перевязочного материала не хватало, санитарки уносили домой тряпки и бинты стирать и гладить. Мои раны заживали хорошо, организм у меня был крепкий. У некоторых бойцов раны загнивали, вызывая сепсис, каждый день уносили умерших, а их место занимали вновь прибывшие раненые. Я написал своей жене Анисье Федоровне письмо, и она приехала из хутора Прыдки, привезла хлеб и молоко. После госпитального скудного пайка я побывал в раю - пил молоко из бутыли, ел хлеб, испечённый в печи. А еще она привезла керосин, чтобы вывести у меня вши.» Дед иногда прерывал свой рассказ, вздыхал и гладил своего рыжего кота, который пристраивался возле деда. Кот мурлыкал, а дед продолжал с того же самого места: «После госпиталя, военком командует нам ехать до станции Матышево на Сталинградский пересыльный пункт. А потом нас человек триста, повезли на барже по Волге до Сызрани. Ехали мы пять суток, а в дорогу дали нам сухариков и три селедки. Смотрю, у одного бойца, он вроде поваром раньше работал, мешок большой. Вот я и говорю своему товарищу: « Ложись возле мешка и посмотри, что у него там.» А этот боец с мешком оказался из хутора Попки, земляк считай. Ну я ему и говорю: «Что у тебя в мешке?» А у него были печатки с пшеном» Увидев мое удивленное лицо дед объяснил: «Это каша из пшена в пачках по 200грамм, такие выдавали для сухого пайка. Вот я и спрашиваю у него: «Будешь нам давать?-Буду».Так мы доехали до Сызрани. Потом пересадили нас на поезд. Отоварили опять же по 300 грамм сухариков и по 2 кусочка сахара. На каждой станции останавливались и забирали новых бойцов. Смотрим на одной станции: бабка пышки с картошкой таскает по 10 рублей, а у нас денег нет, вот я и говорю своему товарищу:«Ты зайди сзади да и стукни по сумке.» А я своих товарищей предупредил: «Приготовьтесь собирать» Вот он, как стукнет по сумке, лепешки и разлетелись, а мы с товарищами их и расхватали, я схватил аж семь пышек, Андрюшка восемь, а чо делать? Голодные были - подыхать -то неохота. Из Сызрани повезли нас солдатиков в Москву на пересадочный пункт, а я и семнадцать товарищей отстали, нас попросили

поработать на мельнице , и прибыли мы в Москву на станцию Кашира 18 января 1944 года, а потом под Горький направили меня учится на младший ком состав. Там я отучился и вернулся опять в свою часть. А тут вызывает меня командир: «Мироныч! Можешь сделать мне деревянный чемодан? -дам отпуск.» И на следующий день он назначил меня столярничать -рамы делать. А вот товарищ мой, он обмерял окна, залез на крышу да и убился. Эх, и войны-то не видел. Потом направили меня в город Муром и присвоили звание младшего сержанта. Построили нас всех в казарме, выдали шинели бельгийские, крепкая такая шинель , теплая. Составили команду:взяли Колю Жильцова, Федю из Аральского моря, Ванюшку из Коми ССР и еще четырёх человек и я вышел. Спрашиваем: куда такая команда? Командир говорит: «Дельные бойцы нужны». Но на войну сразу мы не попали, целый месяц лечили нас от педикулёза. Мыла не хватало, да и в баню не водили. Командира нашего отозвали, прислали нового-он приказал скинуть всю нашу одежду. Мы выкинули своё барахло в окно. Повели всю команду в баню и выдали новое обмундирование. А мы старую одежду прожарили в баке и обменяли на литр водки. Пока полевой кухни не было, мы ходили в деревню Тараканoвка, там варили мясо. Приходим утром , а связист говорит: « Ваша команда отправляется на задание , идите до генерала в Муром.» А уже в январе 1944 году нас определили в 52 Учебный полк 14 артиллерийской дивизии. Вызывает меня командир и говорит: «Ну что с вами делать? -дали направление в Польшу. Месяц целый поездом ехали мы до города Краков , а там в город Котовице. С войсками реку Прут форсировали, с боями взяли город Рацибуж. Уже к этому времени все чувства притупились, все бегут , орут, взрывы, огонь, а ничего не страшно. Надеялся на судьбу. Жена моя зашила мне в рубашку молитву «живая помощь», но я её потерял где-то. И вспоминать не хочется. Вот в Польше я запомнил слово «бимбер»-так называли поляки свой самогон. И после войны всех в своей семье приучил к этому слову, остальные и не догадывались,что за «бимбер»? Дед радостно улыбается: «Войну я закончил в Чехословакии в 38 Гвардейской стрелковой Лозовской Краснознаменной дивизии 113 Гвардейского полка.» Про окончание войны дед рассказывал особенно интересно, он с любовью гладил своего рыжего полосатого кота: « В конце войны наша часть стояла под Мораво-Остравской. А у меня товарищи отпетые были, останавливают как-то немцев на телеге с парой лошадей и говорят: «давайте «урн» -часы значит , а они отвечают: « У меня цап-царап уже» , а товарищ мой закатил полог в телеге , а там и часы, и несколько тысяч марок - куча целая. Федя из Аральского моря отдал мне эти деньги, а я все деньги, дуралей, и порвал. А 25 ноября 1945г мне выдали 1200 рублей и говорят: « Давай марки на обмен». А я говорю их порвал, вот дурачина. Обменивали 10 марок на 5 рублей. Польские деньги тоже меняли, а чешские нет. Это же здорово, но я доволен, что живой остался.» Был интересный случай с Василием

Мироновичем , который он всегда со смехом рассказывал: «В Чехословакии снарядами разбили склад с продуктами, один сослуживец набрал себе меду печатного в коробочках по 400 грамм и бочонок пива. Мы и попросили его поделиться, а он говорит, что у меня мало. Такое не было принято на войне, и бойцы решили его проучить. Ну тут я и говорю Феде: «Ты отвлеки его , а мы стащим мед и пиво.» Стащили мы, но где же спрятать? Я предложил сделать ямку возле туалета и поставить туда бочонок и хвойными ветками прикрыть. Бойцы идут в туалет с ложкой, вот медку и зачерпнут и пиво хлебнут. А жадюга никак не мог догадаться, отчего все бойцы так довольны и пахнут медом, да еще и подсмеиваются над ним. Вот он приходит и говорит мне : «Кто-то мед у меня вкрал и пиво» -Ну ты же нам пожалел. А мне особенно нравится эпизод из военной биографии деда, который стал настоящей легендой в нашей семье. Дед смеясь рассказывал: «В Германии у меня интересный случай был. В 1945году, когда город Шнайдемюль уже был освобождён, и в городе вроде бы тишина была, но иногда и стреляли, не знаешь-откуда пуля прилетит. Мы со старшиной уже после войны ездили получать сахар на роту. Кругом развалины, пахнет гарью. Оттуда едем , смотрим- по обочине фрау идет, закутанная в платок, оглянулась на телегу и отпрянула в сторону, а потом решилась и замахала руками. Мы остановились, она забормотала что-то по немецки. «Давай возьмем?»- спросил я Ивана -«Так не велено же было брать гражданских» - ответил он. Но мы решились -таки взять, уж больно жалкая немка была. В руках у немки был небольшой баул, как у врачей. Едем, а возле оврага яблочки росли. Мы остановились , фрау пошла за яблоками, а баул на телеге оставила. Ну я и открыл баул, а в нём увидел какие-то тяжелые свертки, а сверху насыпаны золотые монеты. Эх, ма! и я решил взять четыре монеты себе, а потом подумал: « А ну как немка пересчитает монеты и обвинит меня в воровстве ?» Фрау прибежала обратно, уселась, и вновь крепко схватила свой баул. На окраине городе мы её высадили, она долго кланялась, и всё повторяла:«данке, данке» .« И только 22 мая мы праздновали в Чехословакии День Победы. Пошли до чехов за молоком и спрашиваем: « У вас побелка есть- белая глина?» Вот мы и побелили аллею. На празднование вино нам давали, и водку,и пирожки маленькие разные. Это было хорошо. Мы шинели постирали и белье, привели себя в порядок.» Дед был с юмором, обладал смекалкой, но в то же время был простым и бесхитростным в жизненных ситуациях человеком. Василий Миронович участвовал в Мораво-Остравской операции. Из Приказа 113 Гвардейского стрелкового Новогеоргиевского Краснознаменного полка 38 Гвардейской стрелковой Лозовской Красногвардейской дивизии от 6 июля 1945года: «Стрелка 4 стрелковой роты 71 стрелкового полка младшего сержанта Таможникова Василия Мироновича. В бою за село Мокре Лазце 19 апреля 1945 года, Таможников Василий Миронович, заменив вышедшего из

строя командира отделения примером мужества, увлек товарищей и первым ворвался в населенный пункт».Слушала, как дед рассказывал: «Освобождала Чехословакию в 1945 году армия 2-го Украинского фронта. Уже в начале мая были такие немецкие офицеры, которые, сдавались в плен Красной Армии, они рассказывали,что не имели никакого отношения к эсэсовцам. Но в местных лесах полно было переодетых фашистов, бандеров и крымских татар, они занимались грабежами и разбоем, опасно было, не знаешь, какая пуля тебя может подстерегать. Один раз мой товарищ смотрит -едет татарин на лошади, он его остановил и говорит: « А ну слазь, как ты мог воевать против своих? Был бы у меня револьвер-расстрелял бы. Сам в России жил и стреляешь в русских.» Отобрал часы, не стал руки марать. Бойцов нашей роты отправляли в лес на рубку леса, четыре машины уехали, в кузове солдатики. Мне и четырём моим товарищам-землякам места не хватило, командир сказал:«Оставайся Мироныч, поедете на следующей машине». Потом мы узнали, что все наши погибли, их расстреляли банды немецких офицеров и бандеровцев , которые прорывались через линию фронта»

Мой дед Таможников Василий Миронович награждён медалью « За Победу над Германией в Великой Отечественной войне1941-1945гг»,Орденом Отечественной войны 2 степени, медалью «За Отвагу», юбилейными медалями, которые хранятся в семейном архиве. На всю жизнь я запомнила рассказы моего деда Василия Мироновича о Великой Отечественной войне. Вспоминал он о тяжелых временах как-то с юмором, и только однажды, когда я решила записать его рассказы на магнитофон он заплакал. Заплакал, рассказывая, как его чуть не расстреляли, когда они с бойцами выбирались из окружения. И вот тогда я впервые увидела на лице своего деда такую нестерпимую боль и страдание, что у меня в горле перехватило от жалости к своему деду. Василий Миронович рассказывал о войне и пережитых послевоенных годах моему сыну Михаилу, а сын потом своему сыну Мирону. Так, и только так, можно и нужно сохранять настоящую правду о войне. В моем доме висят фотографии моего деда и моей бабушки, на тоненькой пленочке в кассете записан добрый и спокойный голос моего деда с воспоминаниями о Великой Отечественной войне. И мой внук Мирон, слушая голос своего деда и его воспоминания о войне с восторгом восклицает: «А я и не знал что мой прадед Василий Миронович- настоящий герой!» А еще я нарисовала небольшую акварель, на который по летней тропинке едет на велосипеде мой дед Василий Миронович. И эта солнечная тропинка пролегает через мое сердце, и навсегда соединяет меня с прошлым, где жил, трудился , воевал с фашистами, занимался пчелами , играл на гармошке мой славный дед Василий Миронович Таможников.